

А.В. Беляков

Чингизиды в России XV–XVII веков. Лишние люди?

Выезды Чингизидов в русские земли начались еще в XIV в. и связаны с «замятнями», происходившими время от времени в Орде [Горский 2000, с.149–150; Кузьмин, 2002, с.6–7]. Но массовыми выезды становятся, когда наметился процесс развала Золотой Орды на ряд независимых государств, правящие династии которых враждовали между собой. В результате этого жертвы борьбы за престол могли найти прибежище только в Ногайской Орде, Литве, Москве или удалиться в Среднюю Азию. Пребывание в России являлось наиболее обеспеченным с материальной стороны. К тому же их статус по отношению к остальному служилому сословию был здесь несравненно выше. Чингизиды стояли выше всех служилых Рюриковичей и Гедиминовичей и уступали только Калитичам, а позднее Романовым. Для сравнения мы можем привести положение Чингизидов в Польско-Литовском государстве [Думин, 1989; Зайцев, 2004]. В свою очередь, укрепшая Москва Ивана III, Василия III и Ивана VI всячески стремилась избавиться от воспоминаний о даннических отношениях и найти новые формы интеграции.

Выехавшие в 1446 г. дети Улуг Мухаммеда б. Хасан Касим (Трегуб) и Якуб заняли промежуточное положение среди Чингизидов, попадавших в русские княжества до и после. Не ранее 1449 г. Касима поселили в Касимове (Городце Мещерском), пожаловав ему доходы с города и неправославной части населения уезда. Тем самым было положено начало так называемому «Каси-

мовскому царству». В Описи Царского архива XVI в. в ряду шертных и договорных грамот многочисленных касимовских «владельцев» отсутствуют упоминания двух первых царевичей – Касима и его сына Даныяра. Скорее всего, правовая сторона их проживания в Московском княжестве была оговорена в устной форме. Перед нами, судя по всему, пример взаимоотношений переходного периода. С одной стороны, царевичи потеряли права коллективного сюзеренитета над русскими землями, с другой, у Москвы не хватало смелости открыто объявить их служилыми Чингизидами, практически приравнивая к служилым князьям, хотя по положению они являлись ими.

Собственно первым служилым Чингизидом следует считать Муртазу б. Мустафу. По-видимому, это сын царевича Мустафы, убитого в битве на Листани в 1444 г. и внук Улуг Мухаммеда [Исхаков, 2002]. Царевич выехал в 1471 г. «с поля». Немаловажно отметить, что инициатива выезда Муртазы исходила не от царевича, а от Москвы. За ним в степь посылали Никиту Беклемишева. В 1473 г. Муртаза был пожалован «Новым Городом на Оце с многими волостями». В.В.Вельяминов-Зернов считает, что это Новый Ольгов городок [Вельяминов-Зернов, 1863, с.76–83]. П.Н.Черменский видит в нем Елатьму, по его мнению, он же Андреев городок [Черменский, 1964]. Хотя, скорее всего, это Новый городок, расположенный на правом берегу Протвы при впадении в нее реки Городянки. С этого момента Москва начался длительный эксперимент по инкорпорации представителей «золотого рода» в структуру служилого сословия Московского княжества (царства).

В это время выезжие и насильственно вывезенные Чингизиды размещались на жительство по городам и жаловались разнообразными формами материального содержания. За это служилые цари и царевичи обязывались нести со своими отрядами военную службу великому князю московскому. При этом данные отряды пользовались определенной автономией. Чингизиды из казанской династии рассматривались как потенциальные и послушные претенденты на казанский престол. Гирей и Астраханские царевичи (Темиркутлуевы царевы дети) служили фактором политического давления на Польшу и Крым.

Со смертью Ивана III его сыном Василием III было предпринято крещение всех наличных казанских царевичей (5 или 6 человек помимо женщин). При этом на данном этапе они, судя по всему, достаточно органично вошли в состав московской элиты (в том числе и в плане службы) и породнились с наиболее видными ее представителями. Среди них Петр (Худайкул б. Ибрагим), благодаря женитьбе на княжне Евдокии – сестре Василия III, занял особое положение. По мнению А.А.Зиминой, он даже рассматривался как наследник бездетного великого князя. Данный поступок, в конечном итоге, привел к потере контроля Москвы над Казанью. В дальнейшем подобную ошибку уже не повторяли [Беляков, 2006 б].

К середине XVI в. в России оказалась большая группа Чингизидов из астраханской династии. Тогда же окончательно складывается внутренняя иерархическая структура «золотого рода» в Москве. Она наглядно прослеживалась по назначению их номинальными воеводами полков. За основу взят обычный счет полков в последовательном порядке старшинства [Анхимюк, 2005, с.166; Павлов-Сильванский, 2001, с.75]. К этому времени от прежней автономии военных отрядов Чингизидов не осталось и следа [Беляков, 2006 а]. Также цари и царевичи присутствовали как статисты при приеме посольств [Беляков, 2003], а иногда и непосредственно участвовали в переговорах [Беляков, 2011].

Принятие православия царевичами продолжалось, но в значительно меньшем объеме. После присоединения Казани и Астрахани крестили последних царей и царевичей захваченных там: Утямыш б. Сафа-Гирей (царь Александр Сафакиреевич), Ядгар-Мухаммад б. Касая (царь Симеон Касаевич), Ярашту б. Ямгурчей (царевич Петр). Во 2-й половине XVI в. крестились Михаил Кайбулович (Муртаза-Али б. Абдулла), Симеон Бекбулатович (Саин-Булат б. Бик-Пулад) и Андрей Кучумов (Абу-л-Хайр б. Кучум). При этом Михаил и Симеон благодаря этому смогли временно занять очень высокое положение. Михаил одно время возглавлял земскую боярскую думу [Зимин, 1986, с.27], Симеон 11 месяцев являлся номинальным московским царем, а на рубеже XVI–XVII вв. он рассматривался как реальный кандидат на престол [Беляков, 2007; Любимов, 1915; Ульяновский, 1993, с.275–299; Ульяновский, 2006; Ульяновский, 2005, с.107–152].

С Андреем Кучумовым все значительно сложнее. После крещения он почти исчезает из документов и его роль при дворе выяснить трудно. Имеется одно странное упоминание царевича в боярском списке 1610/11 г., где он отмечен последним в списке окольничих [Станиславский, 2004, с.306]. Хотя это может означать и то, что его просто не знали куда поместить. Интересно, что здесь не упомянуты иные наличные служилые Чингизиды. Можно привести еще один загадочный слу-

чай с введением служилых царевичей в структуру государева двора. В ноябре 1613 г. сибирский царевич Арслан б. Али упоминается как кравчий. Можно предположить, что данный чин был пожалован ему руководителями Второго ополчения, стремившихся сформировать своих рядах структуры государственной власти в полном объеме и одновременно вознаградить своих сподвижников либо он был пожалован несколько раньше Борисом Годуновым или же Лжедмитрием I. Но в любом случае, данное пожалование являлось скорее статусным, а не указывало на выполнение конкретных придворных обязанностей [Беляков, 2006, с.10; Описание, 1902, с.173–174, 190].

Крещеные Чингизиды рождались с высшей московской знатью и даже царем. Но при этом в подавляющем большинстве случаев их жены происходили из тех ветвей рода, где отсутствовало мужское потомство.

В конце XVI в. был предпринят шаг, который можно рассматривать как попытку включения татарских царей и царевичей в общую структуру служилого сословия государства. Их стали верстать поместьями и денежными окладами. При этом их размеры могли достигать 2000 четвертей и 200 рублей соответственно. Тем самым подчеркивался их особый статус. Ведь иные московские и думские чины могли претендовать только на 1000 четей (реальное землевладение могло быть и у тех и у других значительно выше) [Беляков, 2005].

В XVII в. ситуация кардинально меняется. Служилые цари и царевичи окончательно превратились в блестящий антураж царской власти. Г.К.Котошихин, отмечая ситуацию сложившуюся к 60-м гг. XVII в., писал: «Да в царском же чину царевичи сибирские, касимовские, крещены в христианскую веру. Честию они бояр выше; а в думе ни в какой не бывают и не сидят, потому что государства их и они сами учинились в подданстве после воинского времени, недавне, да и обычай тому есть; так же и опасение имеют от них всякое. А служба их такова: как на праздники идет царь к церкви, и они его ведут под руки, да на всякой день бывают перед царем на поклонении. И даны им поместья и вотчины немалые, так же поженились на боярских дочерех, и имали их за себя с великими пожитками и с поместьями и с вотчинами; а за которым поместья мало, и ему в прибавку идет царской корм денежной, помесечно» [Котошихин, 1906, с.27]. Но и подобное положение постепенно стал тяготить Москву. На протяжении всего столетия шел поиск путей окончательной инкорпорации Чингизидов в служилое сословие России. Проследим, как менялись взгляды на данную проблему на протяжении XVII в.

Эксперименты начались в 1633 г. Тогда 7 сентября после того, как находился под началом в Чудовом монастыре, крестился Янбек (Джанибек) б. Янсюер (Хансюер) б. Али. Теперь он стал князем Калининком Джансюеревичем и дворянином по московскому списку [РГАДА, ф.131, оп.1, 1633, д.12, л.6–19; д.14; 1651, д.5, л.17–19]. В этого момента по своему статусу он превращается в рядового русского дворянина, члена государева двора и несет обычные для них службы. В частности, он упоминается воеводой в Суздале (1648–1650 гг.), Курмыше (1663, 1667/68 гг), и даже как пристав у послов (1646 г.) [Барсуков, 1902, с.220; Белоусов, 2008, с.306–307].

9 марта 1645 г., после десятилетнего пребывания в белозерской тюрьме, крестился сибирский царевич Аблай б. Ишим (князь Василий Ишимович). После этого его пожаловали в стольники. Зафиксировать какие-либо службы Чингизида не удалось, хотя в одном документе он и назван кравчим. Около 1649 г. он умер [РГАДА, ф.196, оп.2, д.25, 26, 27, 28, 31, 32; ф.131, оп.1, 1654, д.2, л.18.]. В Москве в это время проживал только ургенчский царевич Авган-Мухаммад б. Арап-Мухаммад [Беляков, 2007 а]. Остальные почти безвыездно находились по городам.

В 1654 г. крестили касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана (Василий Арасланович) и сибирских царевичей Дос-Мухаммада и Иш-Мухаммада, детей Алтаная б. Кучума (Петр и Алексей Алексеевичи) [РГАДА, ф.131, оп.1, 1659, д.1, л.4; 1654, д.2, л.24; Рязанские, 1889, с.71–72; Шишкин, 1999, с.106]. С этого момента можно говорить об окончательной ликвидации в России служилых Чингизидов мусульманского вероисповедания. Теперь они начинают использоваться приблизительно так же, как и их родственники в XVI в. Их направляли номинальными полковыми воеводами в действующую армию [Вельяминов-Зернов, 1866, с.403–412; Гордон, 2005, с.98; Дворцовые, 1855, с.389, 390, 392, 499, 500], использовали в придворном и посольском этикете [Вельяминов-Зернов, 1866, с.327–402; Дворцовые, 1851, 1852, 1855; Дополнения, 1854]. Их вновь стали выделять от иных представителей государева двора. Об этом, в частности, говорит итог местнического спора боярина князя М.А.Голицына с сибирским царевичем Георгием Алексеевичем по случаю назначения в крестный ход (19 октября 1679 г.). Боярину указали на очевидную неправомочность его требований [Эскин, 2009, с.207; Эскин, 1994, с.188]. Тогда же возникло дело о не именовании царевичей князьями. Дело в том, что до этого не существовало правила об именовании крещеных Чинги-

зидов. В разных источниках один и тот же человек называется царевичем, князем и князем царевичем. Теперь они становились только царевичами [РГАДА, ф.131, оп.1, 1659, д.1]. Но потомки Калининника Джансуюеревича и Василия Ишимовича оставались князьями. До середины XVII в. крещенные Чингизиды выходили за дочерей стольников из княжеских фамилий, давно утративших свое прежнее влияние. В конце века они роднились исключительно с представителями первостатейной московской знати и ближайшими родственниками цариц. Почти исключительно они выполняли только придворные службы. Ситуация стала меняться только при Петре I. В 1718 г., из-за участия в деле царевича Алексея, сибирские царевичи потеряли свой титул и стали именоваться князьями Сибирскими. В это же время пресекается род касимовских царевичей. С этого момента Чингизиды превращаются в одну из многих дворянских семей России. Ее представители подчас занимали видное положение, но не достигали больших высот [Любимов, 1915]. Им уже никогда не удавалось подняться до прежнего уровня. В реалиях нового времени Чингизиды как особая служилая группа стала не нужна.

Но здесь следует отметить одну немаловажную деталь. Если сравнивать историю инкорпорации Чингизидов и иных знатных мусульман, то следует признать, что, при более выгодных позициях первых в начале процесса, к его логическому завершению в конце XVII в. они явно проиграли своим менее знатным товарищам. В качестве примера можно привести такие княжеские фамилии как Урусовы, Черкасские, Тенишевы, Юсуповы и десятки других, чуть менее успешных. Скорее всего, с царевичами сыграло злую шутку их происхождение. Законные претенденты на русские земли, как составную часть Золотой Орды, к ним изначально относились настороженно. Хотя московским правителям всегда льстил тот факт, что они полностью управляют потомками своих сюзеренов. Чингизидам же ничего не нужно было делать для того, чтобы получать более чем значительное материальное содержание. Со временем это вошло в определенную привычку. У них просто не выработалось представление о том, что их благополучие зависит от их собственной активной позиции, усилий, службы (в том числе и придворной). Они получали определенный высокий уровень как само собой разумеющейся. Как следствие, царевичи не были готовы к изменившимся правилам. Определенную роль сыграли и родственные связи, полученные в конце XVII в. Родство с Нарышкиными, Долгоруковыми, Грушецкими первой половине XVIII в., скорее мешали, нежели помогали им.

Таким образом, мы должны констатировать, что служилые Чингизиды на протяжении всего рассматриваемого периода оставались, благодаря своему происхождению и вопреки некоторым непоследовательным шагам Москвы, неким инородным элементом, зачастую престижным, но одновременно с этим и неудобным, а иногда и опасным. Благодаря чему их помещали в некую искусственную среду, которая, в конечном итоге, делала их жизнь вполне комфортной при прежних условиях и препятствовала успешной социализации при изменившихся на рубеже XVII–XVIII вв. правилах.

Список источников и литературы

- Анхимюк, 2005 – Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
- Барсуков, 1902 – Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.
- Белоусов, 2008 – Белоусов М. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. Казань, 2008.
- Беляков, 2006 – Беляков А.В. Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.
- Беляков, 2006а – Беляков А.В. Ахматовичи в России // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 505–514.
- Беляков, 2003 – Беляков А.В. Касимовское царство в системе российских территорий XVI–XVII веков // Книги по русистике. Вып. XIII.: Московская Русь: специфика развития. Будапешт, 2003. С.55–62. Book for Russian Studies. XIII. Muscovy: Peculiarities of its Development. Budapest, 2003. S.55–62.
- Беляков, 2006б – Беляков А.В. Потомки Улуг-Мухаммеда в России (XV–XVI) // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006. С.77–83.
- Беляков, 2011 – Беляков А.В. Симеон Бекбулатович // Единорогъ. Вып. 2. М., 2011. С.159–191.
- Беляков, 2007 – Беляков А.В. Ураз-Мухаммад ибн Ондан // Мининские чтения: 2006 г. Н. Новгород, 2007. С.29–60.
- Беляков, 2005 – Беляков А.В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучумова в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: 2004. Н. Новгород, 2005. С.21–35.

- Беляков, 2007a – Беляков А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С.95–112.
- Вельяминов-Зернов, 1863 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.1. СПб., 1863.
- Вельяминов-Зернов, 1866 – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.3. СПб., 1866.
- Гордон, 2005 – Дневник 1677–1678. М., 2005.
- Горский, 2000 – Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.
- Дворцовые, 1851 – Дворцовые разряды. Т. II. СПб., 1851.
- Дворцовые, 1852 – Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852.
- Дворцовые, 1855 – Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855.
- Дополнения, 1854 – Дополнения к Дворцовым разрядам. СПб., 1854.
- Думин, 1989 – Думин С. В. Татарские царевичи в великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С.107–113.
- Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Шейх-Ахмед – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. С.99–120.
- Зимин, 1986 – Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986.
- Исхаков, 2002 – Исхаков Д.М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С.63–74.
- Котошихин, 1906 – Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. СПб., 1906.
- Кузьмин, 2002 – Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: К истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С.5–23.
- Любимов, 1915 – Любимов С. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915.
- Малов, 2006 – Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
- Описание, 1902 – Описание документов архива бывших Большесольских посадских изб и ратуши, найденного в посаде Большой Соли Костромского уезда XVI–XVIII вв. / Сост. Н.Н. Селифоноф. СПб., 1902.
- Павлов-Сильванский, 2001 – Павлов-Сильванский П.П. Государевы служилые люди. М., 2001.
- РГАДА. Ф.131. Оп.1. 1659. Д.1; 1654. Д.2; 1633. Д.12, 14; 1651. Д.5.
- РГАДА. Ф.196. Оп.2. Д.25, 26, 27, 28, 31, 32.
- Рязанские, 1889 – Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889.
- Станиславский, 2004 – Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
- Ульяновский, 1993 – Ульяновский В.И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч.1. Киев, 1993.
- Ульяновский, 2006 – Ульяновский В.И. Смутное время. М., 2006.
- Ульяновский, 2005 – Ульяновский В.И. Филарет Романов: Между «кривыми» и «прямыми» Смутного времени // Проблемы славяноведения. Вып. 7. Брянск, 2005. С.22–77.
- Черменский, 1964 – Черменский П.Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // АЕ за 1963 г. М., 1964.
- Шишкин, 1999 – Шишкин Н.И. История города Касимова с древнейших времен. Изд. 3-е. Рязань, 1999.
- Эскин, 2009 – Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009.
- Эскин, 1994, – Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.